

ТВОРЧЕСТВО А. ПЛАТОНОВА И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Творчество Платонова наглядно показывает способность фольклора и литературы к взаимодействию. Голос Платонова-реалиста и Платонова-сказочника нередко звучит одинаково: “Жили мы так бедно, как во сне теперь может присниться: у нас ничего не было, ничего не хватало – ни хлеба с картошкой, ни дров в зиму, ни керосину для света, ни одежды никакой...” (рассказ “Полотняная рубаша”) [Т. 3, с. 111] – “И жили они бедно, ничего у них не было. Вот доели они последнюю краюшку хлеба, самую остатнюю” (сказка “Иван Бесгаланнный и Елена Премудрая”) [Т. 3, с. 438].

В произведениях реальных и сказочных Платонов помещает жизнь в условия, почти исключают существование живого, в “пустыню”. Один из наиболее характерных для стиля Платонова образов – неизвестный цветок “Жил на свете маленький цветок. Никто не знал, что он есть на земле. Он рос на пустыре... на пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мертвая глина” (рассказ “Неизвестный цветок”) [Т. 3, с. 230]. Через все творчество писателя пройдет образ неизвестного, мужественного существования, беззащитной, но неуничтожимой жизненной силы.

Наиболее соответствует условиям “пустыни” тип героя, определенный фольклористикой как “низкий” [2]. В рассказах Платонова множество литературных героев, близких к этому фольклорному типу. Обездоленные, презираемые, лишенные всего, кроме собственной души, – все те, без кого “народ неполный”. Человеческий вариант неизвестного цветка – Юшка из одноименного рассказа. “... Юшка чаю не пил и сахару не покупал, а одежду носил долгие годы одну и ту же без смены...” [Т. 1, с. 105].

Герои Платонова “работают жизнь из самих себя”: “Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок все жил и рос помаленьку выше” [Т. 3, с. 230]. “Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли... И здесь Юшка осерчал в ответ – должно быть, первый раз в жизни, – А чего я тебе, чем я вам мешаю! Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя!” [Т. 1, с. 109].

Верно наблюдение В. Васильева: “Не будет преувеличением сказать, оригинальное творчество А. Платонова органично отвечало социально-нравственным требованиям фольклорной сказки, в которой народное участие неизменно склоняется на сторону горя, бедности и сиротства [1].

Рассказы Платонова тоже реабилитируют “низкого”, правда, не волшебными средствами. Самобытность платоновского гуманизма определяется художественной идеей о целесообразности, “ненапрасности” жизни. Юшка – не зря, и цветок – не зря, потому что через них смогла осуществиться непрерывность всего живого. Юшка вырастил сироту – “И все ее знают в городе, называя дочерью доброго Юшки” [Т. 1, с. 111]; неизвестный цветок дал жизнь новому – ... он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне” [Т. 3, 232].

Герой “Волшебного кольца” слишком индивидуален и человечен в чувствах и даже обладает чем-то похожим на мировоззрение: всегдашняя философичность платоновской прозы проникает в сказку. “... Да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет” (сказка “Финист - Ясный Сокол”) [Т. 3, с. 469].

С другой стороны, реалистические рассказы Платонова с соблюдением художественной меры включают в себя сказочные элементы. “Замислуваются” преимущественно качества, которые свойственны сказочным образам: неуязвимость героя, недоступность внешним обстоятельствам и в ряде случаев – неуничтожимость: “... ей сравнялось девятнадцать лет, и на вид она не казалась старше, потому что умела одолевая свое горе и не давала ему старить и калечить себя, – она хотела жить” (рассказ “Девушка Роза”) [Т. 3, с. 121].

Сказку породила житейская нужда. Именно эту генетическую особенность жанра чутко уловило платоновское творчество. Даже традиционные сказочные формулы как бы и не заимствуются писателем, а заново рождаются как единственно возможное средство выражения житейской ситуации. “Наутро Безручка взяла своего сына-младенца в подол, а край подола зажала в зубах и ушла со двора – ушла туда, куда все уходят, кому некуда идти: куда глаза глядят” (сказка “Безручка”) [Т. 3, с. 407].

Рассказы Платонова не всегда имеют “хороший конец”. Однако даже если ситуация “зависает” в горе, повествование Платонова проявляет особенность, роднящую его со сказочным. В мире писателя незримо живет мысль, высказанная им в сказке “Безручка”: “Несчастье хоть и живет на свете, да нечаянно, а счастье должно жить постоянно”. [Т. 3, с. 411].

В результате взаимопроникновения рассказа в сказку и сказки в рассказ рождается полусказочный – полуреальный тип художественных ситуаций и героев, убеждающий в том, как нуждаются друг в друге литература и фольклор.

Литература

1. *Васильев А.* Андрей Платонов. – М., 1982.
2. *Мелетинский Е.* Герой волшебной сказки. – М., 1958.
3. *Платонов А.* Собр. соч. в 3-х тт. – М., 1984.